

С.В. Тютюкин,
доктор исторических наук.
Институт российской истории РАН

Последний шанс императорской России

Наверно, мы до сих пор не отдаем себе до конца отчета в том, чем была для нашей страны Первая мировая война. Россия вступила в нее великой мировой державой с одной из самых сильных в мире армий, а вышла лишь неким географическим понятием, с которым не считались уже ни противники, ни бывшие союзники, ибо за три года этой ужасной бойни рухнуло все императорский режим, армия, экономика, международный престиж, вся система общественных отношений и нравственных ценностей. "Верхи" оказались политическими и моральными банкротами, "низы" потеряли веру, терпение и вековую привычку повиноваться власти. В судьбоносные февральско-мартовские дни 1917 г. вокруг Николая II и его правительства образовался

настоящий вакуум, и не случайно 2 марта 1917 г. в дневнике обычно скупого на эмоции последнего императора появилась трагическая запись: "Кругом измена и трусость, и обман!"¹. От царя как от прокаженного отшатнулись командующие фронтами, министры, высшие сановники, молниеносно перешедшие на службу к Временному правительству. Конец 300-летней романовской династии оказался и драматическим, и жалким, и фатальным для судеб всей страны.

Но означало ли это, что в 1914—1917 гг. Россия лишь неумолимо со ступеньки на ступеньку катилась к неизбежной катастрофе, что обрушивавшаяся на страну лавина бедствий и несчастий уже не могла остановить свой неумолимый сход в бездонную пропасть, что у императорского режима уже не было в то время абсолютно никаких шансов на спасение и модернизацию? Советская историография, как известно, трактовала события Первой мировой войны именно так, но думается, что в такой интерпретации событий военного периода было слишком много идеологии и фатализма.

Между тем с началом войны царский режим, казалось бы, получил некоторый дополнительный заряд прочности. И хотя никто не возьмется определить сегодня, в каком процентном соотношении складывался баланс всех "за" и "против" сохранения в России старой системы власти, но отрицать сам факт ее временной стабилизации после начала военных действий невозможно. Другое дело, что, как это не раз бывало в истории России, шанс этот был властью бездарно упущен, а полученный правительством очередной кредит народного доверия быстро и безвозвратно утерян. Обо всем этом и пойдет речь в настоящем сообщении.

В советской историографии было как-то не принято говорить о патриотическом подъеме 1914—1915 гг. как о важном стабилизирующем факторе, укреплявшем позиции российского самодержавия. Сам термин "патриотизм" неизменно брался при этом в кавычки, символизировавшие его условность, неприятие трудящимися массами и родство с великодержавным шовинизмом. Бесспорны, глубочайший социокультурный раскол российского общества, острота классовых противоречий, многонациональный характер империи и наличие в ней этноконфессиональных трений и конфликтов существенно деформировали естественные для каждого человека патриотические чувства, лишали их глубины и искренности. Может быть, именно поэтому россияне всегда любили родную землю, культуру, язык больше, чем свои государственно-правовые институты, а истинный патриотизм просыпался у них в основном в экстремальных ситуациях, когда Родина становилась

---

¹ См.: Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

жертвой агрессии и ей грозила потеря национальной независимости. Но как бы важны ни были все эти нюансы для понимания феномена российского патриотизма и тех метаморфоз, которые он претерпел в годы Первой мировой войны, факты неопровержимо свидетельствуют о том, что неспровоцированная агрессия Германии против России в июле 1914 г. вызвала настоящий взрыв патриотических чувств не только в "верхах" и средних слоях российского общества, но и в его "низах".

Напомним здесь о многотысячной патриотической манифестации 20 июля 1914 г. на Дворцовой площади в Петербурге или о той триумфальной встрече, которая была устроена царской семье в Москве 4—8 августа 1914 г.¹ Под знаком патриотического единения всех политических партий прошло 26 июля 1914 г. и заседание Государственной Думы, где лидер кадетской партии П.Н.Миллюков заявил, что кадеты готовы отложить свои споры с правительством до окончания войны, демонстративно пожав при этом руку лидеру черносотенцев В.М.Пуришкевичу. Лишь десяток социал-демократов нарушили в тот день атмосферу всеобщего примирения: они огласили антивоенную декларацию и покинули зал заседаний в момент голосования за военные кредиты. Но кто обратил тогда внимания на эту досадную "мелочь", тем более что в текст упомянутой декларации вкралась и явная патриотическая нотка — фраза о необходимости защищать национальные культурные ценности от агрессора? Характерно, что заседание Думы закончилось пением "Боже, Царя храни!" и криками "Ура!" в честь императора².

Впрочем, гораздо важнее было другое: июльскую мобилизацию 1914 г. не омрачили ни антивоенные демонстрации, ни серьезные стачки, которых можно было бы ожидать, учитывая мощный подъем рабочего движения в последние мирные месяцы 1914 г. и широкую антимилитаристскую агитацию революционных партий. Дело ограничилось лишь обычными в таких случаях пьяными эксцессами да вспышкой стихийного протеста против традиционной российской неразберихи и нераспорядительности властей. Спад забастовочного движения, начавшийся с первых дней войны, принял поистине фантастический характер, но его принято было объяснять исключительно репрессиями властей или страхом рабочих перед угрозой досрочной отправки на фронт, хотя в то время эти факторы сколько-нибудь заметной роли еще не играли, выступив на первый план позже, в 1915—1916 гг. Скорее здесь срабатывало сознание "неуместности" дезорганизации производства в условиях войны и

¹ См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. С. 385—393.

² См.: Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т 4. С. 13—26.

чувство солидарности с товарищами-фронтовиками, нуждавшимися в боеприпасах, амуниции и продовольствии¹.

Известным показателем настроений рабочих в тот период могут служить еще два факта: большевики даже не пытались агитировать их в пользу поражения России, как предлагал делать находившийся в эмиграции В.И. Ленин, а арест полицией пятерки большевистских депутатов Государственной Думы не вызвал сколько-нибудь серьезного протеста со стороны их избирателей, шокированных известием о том, что их депутаты — "изменники" родины.

Патриотическими настроениями были охвачены все слои общества. В госпиталях в качестве сестер милосердия работали императрица, ее дочери и великосветские дамы, налаживалась материальная помощь солдатским семьям, раненым и русским пленным; артисты давали шефские концерты; ученые читали лекции о славных страницах отечественной военной истории и т.д.²

Вполне естественно, что, откликнувшись на призыв власти к сплочению перед лицом внешнего врага, прозвучавший в царском манифесте в связи с началом войны, россияне вправе были ожидать если не коренных реформ, то хотя бы некоторых "послаблений" в проведении консервативно-охранительного правительственного курса, тем более что требования (а лучше сказать, пожелания) общественности выглядели достаточно скромно. Успешное ведение военных действий, обеспечение фронта и тыла всем необходимым, устранение наиболее болезненных "раздражителей" общественного мнения в сфере внутренней политики (привлечение либерально-демократических элементов к управлению страной, либерализация этноконфессиональной политики, восстановление профсоюзов и рабочей печати, частичная политическая амнистия) — вот тот минимум уступок со стороны правительства, которым готовы были удовлетвориться Государственная Дума, основные буржуазные партии, органы земского и городского самоуправления и другие общественные организации. Достаточно сказать, что самым радикальным требованием Прогрессивного блока, оформившегося в августе 1915 г. в Государственной Думе, было создание правительства, пользующегося доверием страны, т.е. даже не ответственного министерства западного типа, а всего лишь кабинета, где не было бы ультраконсерваторов, но зато присутствовали бы представители кадетов, октябристов или прогрессистов.

---

¹ См.: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие России и война: Новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 432—446; *Тютюкин С.М.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Там же. С. 236—249.

² См.: *Лейберов И.П.* Патриотические настроения, их проявления и угасания в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб, 1999. С. 497—501.

При этом четко просматривалась некая закономерность: победы на фронтах делали либеральную оппозицию более снисходительной к правительству, а поражения, наоборот, сразу ужесточали ее позицию по отношению к режиму. Не случайно само рождение Прогрессивного блока было связано с серией крупномасштабных поражений русской армии весной и летом 1915 г. В то же время становилось очевидным принципиальное нежелание Николая II идти на сколько-нибудь серьезную либерализацию самодержавного строя, его стремление ограничить перемены лишь персональными перемещениями практически одних и тех же сановных лиц, хаотической перетасовкой до боли знакомой бюрократически-номенклатурной колоды, в ходе которой из нее вылетали наиболее талантливые и самостоятельные в своих суждениях люди (С.Д.Сазонов, А.А.Поливанов, А.В.Кривошеин), освобождая места угодливым, безликими посредственностям. За весь период войны Россия так и не обрела сильного и яркого премьера, а пресловутая "министерская чехарда" 1915—1916 гг. стала настоящей притчей во языцех. Не оправдало себя и "самоназначение" Николая II на пост Верховного главнокомандующего в августе 1915 г., ибо как военный стратег царь был нулевой величиной, а его частое пребывание в Ставке вело к усилению влияния на государственные дела царицы и Распутина, что в конечном счете еще больше дискредитировало династию в глазах общества. Генерал А.И.Деникин отмечал "полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии"¹, а генерал М.В.Алексеев признавался в полном бессилии изменить ситуацию: "Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться"².

Несмотря на несомненный патриотизм царя и царицы, в обществе все чаще говорили об их предательстве (характерна запись в дневнике Зинаиды Гиппиус за сентябрь 1915 г.: "Царь ведь прежде всего предатель, а уж потом — осел по упрямству и психопат"³). Среди населения циркулировали слухи, что Николай II сознательно держит армию в голоде и без снарядов, отправляет хлеб в Германию, отпускает вражеских военнопленных, ведет сепаратные 'переговоры о мире и т.д. В народе складывался крайне непривлекательный образ императора — "подкаблучник", пьяница, покровитель "шпионов" Мясоедова и Сухомлинова и т.д.

Сам же Николай II вплоть до Февральской революции был убежден, что народ бесконечно долго готов терпеть существующее положение вещей, любит своего монарха и верит ему, тогда как

¹ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 21

² Лемке Мих. 250 дней в царской Ставке. Пг, 1920. С. 650.

³ Цит. по кн.: Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению. М, 1998. С. 70

смуту в умы вносят только безответственные демагоги-интеллигенты. Буквально за месяц до февральских событий 1917 г., стоивших ему короны, Николай II заявил, что, пока идет война, никаких реформ в России не будет. По его мнению, "русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет" и только "отдельные группы населения обеих столиц желают волнений", но их "заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям"¹. Как известно, сходные заявления царь делал и накануне 9 января 1905 г.²

В то время как правительства других воюющих стран стремились соединить меры по государственному регулированию экономики с гибкой социальной политикой, направленной на то, чтобы не восстанавливать рабочих против власть имущих и предпринимателей, царские власти, скрепя сердце, соглашались лишь на привлечение представителей буржуазной общественности к руководству военным хозяйством, тогда как в сфере политики все оставалось без изменений. Таким образом, патриотические чувства не получали в России необходимой "подпитки" в виде более или менее равномерного распределения тягот войны между различными социальными слоями (что было особенно важно для трудящегося населения страны) и удовлетворения социальных и политических амбиций буржуазии (на чем особенно настаивал Прогрессивный блок), не говоря уже об общей либерализации режима в интересах всех классов общества. В итоге патриотическая тревога за судьбу страны сменялась равнодушием, апатией, чувством обреченности, сознанием полного бессилия повлиять на политику властей, а стремление довести войну до победы — пацифистскими настроениями. Даже "пораженчество" уже не казалось, как прежде, преступлением и чем-то совершенно аморальным. Переход с конца 1915 г. к вялотекущей войне на истощение тоже не способствовал подъему патриотических чувств. С победоносной войной — "маленькой", по "рецепту" В.К.Плеве в 1904—1905 гг., или "большой", по "рецепту" военного министра Сухомлинова в 1914—1915 гг., — у самодержавия ничего не получилось. А это означало, что патриотизм уже не мог спасти Россию от революции.

В годы войны в России продолжались преследования по политическим мотивам, аресты, цензурные запреты и ограничения. В 1915 г. во время отступления русской армии из западных районов России оттуда были выселены поголовно все евреи как потенциальные шпионы и изменники. И это в то время, когда "еврейский

¹ Цит. по кн.: *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 14.

² См.: *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 300—301.

вопрос" был одной из самых болевых точек во всей внутренней политике правительства. Раздражали общественность и необоснованные длительные перерывы в работе Государственной Думы. Власть не сумела использовать даже те черносотенно-монархические силы, которые были в ее распоряжении начиная с 1905 г.: они чувствовали себя не востребованными и не знали, что им делать. В высших сферах думали не о спасении России, а об очередных орденах и назначениях, финансовые дельцы беззастенчиво наживались на военных поставках, а народу оставалась лишь борьба за элементарное физическое выживание не только на фронте, но и в тылу, где с каждым месяцем росли очереди за хлебом.

Конечно, мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что царское правительство вообще не пыталось преодолеть тяжелые последствия войны. Так, в 1916 г. несколько улучшилось материально-техническое снабжение войск. Определенную положительную роль сыграли в этом созданные в 1915 г. особые совещания с участием представителей буржуазной общественности и система военно-промышленных комитетов, призванных привлечь среднюю и мелкую частную промышленность к работе на оборону. Однако правительству не удалось организовать снабжение городов продовольствием, хотя запасы его в России были. Хлебная разверстка, введенная в 1916 г., провалилась. Элементы карточной системы были введены в городах с запозданием и не дали ожидаемых результатов. В итоге экономика страны к 1917 г. оказалась в состоянии глубокого кризиса, который усугублялся кризисом политическим.

С весны 1915 г. стало вновь набирать силу рабочее движение, постепенно возрождались разгромленные в начале войны революционные организации, усилилось либерально-оппозиционное движение. На рубеже 1916—1917 гг. шли переговоры о подготовке дворцового переворота, к организации которого были причастны лидер октябристов А.И.Гучков, известный промышленник, товарищ председателя Государственной Думы прогрессист А.И.Коновалов, генералы М.В.Алексеев и А.И.Крымов и др. Большой общественный резонанс получила известная думская речь П.Н.Милюкова от 1 ноября 1916 г. ("Глупость или измена?"), хотя в ней и был силен элемент демагогии, поскольку реальными данными об "измене" царицы, Распутина и других представителей "темных сил" лидер кадетов, разумеется, не располагал.

В создавшейся обстановке "верхи" явно начинали терять голову: об этом свидетельствовали и убийство Распутина группой высокопоставленных заговорщиков с участием одного из великих князей (декабрь 1916 г.), и аресты членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (январь 1917 г.), и

указ Николая II о роспуске Государственной Думы (февраль 1917 г.).

Внутри самой императорской фамилии зрело недовольство царем и царицей, их близорукой, неумной политикой — факт в истории романовской династии беспрецедентный. Шансы монархии на выживание таяли буквально с каждым днем. Бездарная власть стремглав летела в пропасть. Предотвратить Февральскую революцию 1917 г. было уже невозможно, как невозможно оказалось и "остановиться" на свержении самодержавия. Обезглавленная страна, совершенно не готовая к резкому переходу от деспотизма к демократии и в одночасье потерявшая все свои традиционные социально-политические и нравственные "скрепы", закономерно сползала в марте—октябре 1917 г. к анархии, в недрах которой незаметно вызревали предпосылки для нового диктаторского режима. "Революционное оборончество" капитулировало перед усталостью от трехлетней войны и возможностью взять реванш за вековое рабство и унижение, которым подвергались при старом режиме миллионы россиян, а лозунг "Грабь награбленное!" оказался доходчивее и сильнее призывов к спасению России. Старый патриотизм императорской эпохи был исчерпан, новый, советский патриотизм еще только предстояло формировать. В истории России кончилась одна эпоха и начиналась другая, во многом совсем не похожая на прежнюю, но в чем-то явно продолжавшая ее имперско-бюрократические, великодержавные традиции.